(cc) BY

Зубайраева Мадина Руслановна
студентка
БУ ВО «Сургутский государственный
педагогический университет»
г. Сургут, ХМАО – Югра

DOI 10.21661/r-461409

ИЗОБРАЖЕНИЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО И РОМАНЕ А.А. АЙДАМИРОВА «ДОЛГИЕ НОЧИ»

Аннотация*: в данной статье рассматривается тема Кавказской войны в творчества Л.Н. Толстого и А.А. Айдамирова. Особое внимание акцентируется на художественных и идейных пересечениях в их произведениях. Выделяются и описываются характерные особенности романа А. Айдамирова «Долгие ночи».*

Ключевые слова*: Л.Н. Толстой, А.А. Айдамиров, Кавказская война, романтизм, реализм, горцы, казаки.*

Тема Кавказа и Кавказской войны появляется в творчестве русских писателей и поэтов еще в начале XIX века и в дальнейшем становится важной страницей в истории русской литературы. Актуальность этой темы была обусловлена рядом исторических событий, а также эстетическими причинами, связанными с формированием в России романтизма. Кавказ начал осмысливаться поэтами сквозь призму идей данного литературного направления, став символом воинственной свободы. «Именно в романтизме формируется как таковая тема Кавказской войны, герой русской «кавказской» литературы и уникальная система жанров» – отмечает М.В. Архиреев [2, с. 5].

Романтическая традиция в изображении «кавказской» темы способствовала появлению устойчивых сюжетов и образов, переходящих из одного произведения в другое: например, о пленниках и предателях, в качестве которых могли выступать как русские, так и горцы. Также в литературе сложился определенный стереотип горца, по которому общественность и судила о горских народах.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

К.Б. Гайтукаев приводит свидетельство известного лингвиста П.К. Услара о господствовавших в те времена воззрениях на горские народы: «…горцев не могли бы себе представить иначе, как в виде людей, одержимых каким-то беснованием, чем-то вроде воспаления в мозгу, – людей, режущих направо и налево, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся. И было время, когда эти неистовые чада нашей поэтической фантазии приводили в восторг часть русской читающей публики!» [3, с. 69].

В 1850-е годы к данной теме обращается Л.Н. Толстой, а ровно через столетие – чеченский писатель А.А. Айдамиров. В их творчестве романтическая традиция в восприятии и поэтическом изображении Кавказа уступает место реалистической трактовке кавказской тематики. «Дикий» горец в их творчестве предстает в ином свете и наделен развитым сознанием, несмотря на то, что еще в первой половине XIX века было распространено убеждение, что «свой», европейский мир (к которому относилась и Россия по отношению к Кавказу – прим. авт.) есть мир культуры и разума, а «их» мир – это мир дикости, варварства и примитивных инстинктов» [6, с. 43].

Л.Н. Толстой и А. Айдамиров формируют образ Кавказа и Кавказской войны из тех составляющих, которые были искажены или опущены в романтической традиции. Для Айдамирова это имело огромное значение, ведь изначально в литературу его привело желание донести правду об историческом прошлом своего народа и развеять сложившиеся вокруг него мифы. Толстой же за время пребывания на Кавказе столкнулся с реальным положением дел, разобрался в этническом составе горских народов, изучил их культуру. Поэтому «вместо выдуманных героев он познакомил читателей с реальными людьми, исполненными житейских забот и совсем не героическими с виду» [8, с. 261].

Характерным образом в произведениях Толстого является герой с романтическим мировосприятием, которое обнаруживает свою нежизнеспособность в реалиях кавказской жизни. Примером такого героя является прапорщик Аланин из рассказа «Набег» – «очень хорошенький и молоденький юноша», который

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

впервые идет на дело и не может скрыть своей радости. В нем отражается традиционное для молодых людей романтическое видение Кавказа. Он, в силу наивности и неопытности, искренен в своем желании быть храбрецом, но это желание его и губит. Под «недружное и негромкое ура» молодой прапорщик бросился в лес за горцами и был ранен, после чего скончался.

Но есть и герои, подобные капитану Хлопову из «Набега», юнкеру из «Рубки леса», которые не строят иллюзии о войне на Кавказе, о храбрости, о «героической» смерти, объективно оценивая происходящее. Другие же военные зачастую ведут себя не сообразно ситуации: например, в «Набеге» во время перехода к месту дислокации вся «мрачная», «черная» масса солдат смеется, веселится, «как будто нельзя и предположить, что некоторым уже не суждено вернуться по этой дороге!» – размышляет рассказчик [9, с. 13].

Толстой развеивает «престранное предание про Кавказ: будто это какая-то обетованная земля для всякого рода несчастных людей», раскрывая истинные причины, побуждающие военных стремиться служить именно на Кавказе. «Это тоже одно из преданий, существующих в России, которое утвердили Пассек, Слепцов и другие, что на Кавказ стоит приехать; чтобы осыпаться наградами. И от нас все ожидают и требуют этого; а я вот два года здесь, в двух экспедициях был и ничего не получил. Но все-таки у меня столько самолюбия, что я не уеду отсюда ни за что до тех пор, пока не буду майором с Владимиром и Анной на шее», -откровенно говорит капитан Болхов в рассказе «Рубка леса» [10 с. 52].

В повести «Казаки» автор вводит нас в мир казаков. «Гармоничность и устроенность станичного быта – вот то главное, что изображает нам Толстой» и почти не показывают романтики [5, с. 159]. Детальные описания уклада жизни позволяют Толстому ввести в повествование и полноценные образы кавказских женщин, полемизируя с романтиками. «Женщины казачьей станицы – это уже не странная Бэла и не столь же загадочная Тамара, Толстой показывает нам очень живые и пластичные образы реальных женщин: Марьяны, бабушки Улиты, подруг Марьяны. Большое внимание автор уделяет роли женщин в казачьем быту, их незаменимости в жизни воюющих мужчин. <…> Несколько иная картина

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

была в традиционной литературе на эту тему: женщина всегда показывалась как персонаж если не второстепенный, то, по крайней мере, менее значимый, нежели главный герой, зачастую играющий большую роль в его жизни, но служащий лишь иллюстрацией к этой жизни» [5, с. 159 – 160]. Толстой, например, уделяет раскрытию образа Марьяны столько же внимания, сколько и персонажам мужского пола, акцентируя внимание на гармоничности и естественности ее внутреннего облика. Так, образ кавказской женщины перестает быть лишь материалом для раскрытия мужских характеров.

Толстой поднимает актуальные для своего времени вопросы о смысле войн как таковых, о восприятии обществом исторических процессов, об отношении завоевателей к представителям иных культур и т. д. То есть задается вопросами в масштабах всего человечества на материале Кавказской войны.

Айдамиров смотрит на Кавказскую войну с большей исторической дистанции и с позиции горца, поднимая вопрос о межэтническом общении, хотя больший акцент делается на взаимоотношениях двух этносов (русские и чеченцы). Писатель освещает в романе широкий круг исторических фактов и масштабных событий, изображая множество действующих лиц, в образах которых наиболее полно отразились особенности чеченского национального характера, горской философии жизни.

Борьбу за свободу народа могли выдержать и достойно вести герои, воплощавшие лучшие качества народной культуры, следовавшие ее традициям и обычаям. То есть национальное начало в творчестве Айдамирова выступает не только как тема, основа сюжета и предмет художественного изображения, но и как взгляд художника на события своего времени. Айдамирову было необходимо создать такие образы, которые отвечали бы национальному духу чеченцев и намечали бы новые жизненные ориентиры для народа, потерявшего независимость после многочисленных войн, но сохранившего свои культурные традиции и ценности.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

В романе достаточно сложное построение сюжетных линий, «повествование ведётся сразу в нескольких направлениях. Наряду с документальными материалами эпохи (выдержки из газетных статей, из стенограмм выступлений депутатов Государственной Думы, из переписки с чиновниками и т. д.), включенными в контекст сложного эпического материала, вводится лирический элемент, призванный передать внутренний мир героев, их стремления и сомнения» [4, с. 236].

Основными героями романа являются чеченцы: жители селения Гати-Юрт разных возрастов, родов деятельности – и российские военные, начиная с генералов и заканчивая рядовыми солдатами.

Типологический обзор системы персонажей показал, что среди них выделяется три типа, различающихся как по структуре образа, так и по принципу взаимодействия с фабулой и сюжетом:

1. Герои-освободители – тип «достойных людей», в которых отражены особенности чеченского национального характера, этического кодекса «Къонахалла». Они ведут борьбу за общую свободу угнетенных народов России и закладывают основу как для внешнего, так и для внутреннего, «духовного», «идеологического» сюжета.

2. Герои-предатели – формально соблюдают традиции своего народа, но, в сущности, противопоставлены героям первого типа. Их действия обусловлены в первую очередь соображениями личной выгоды.

3. Герои-завоеватели – российские военные.

Центральными являются герои первого типа, который включает в себя не только горцев, но и русских, готовых разделить их идеалы. *«В борьбе против угнетателей нельзя делить людей на племена и нации. Кто верен делу свободы – нам друг, кто за рабство – враг. Какой бы веры он ни был, к какой бы национальности ни принадлежал»*, – заявляет Берс, один из ключевых героев романа [1, с. 142].

В «Казаках» Толстого мы видим, что Оленин не может стать частью «чужого» для него мира казаков. «Оленин стремится одеваться под казаков, которые

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

в свою очередь подражают чеченцам, но автор постоянно замечает, что обмундирование Оленина похоже на казачье, но всякий опытный взгляд сразу же признает в нем русского офицера. «Русский офицер» становится своего рода клеймом, которое вынужден нести Оленин, не в силах от него избавиться. <…> но разлад здесь носит гораздо более глубинный характер: он в душе героя, который не в силах избавиться от природного начала («не мог забыть себя и своего сложного, негармонического, уродливого прошедшего»). Герой оказывается в онтологическом противоречии со средой, его окружающей. Разлад, таким образом, носит аксиологический характер: сталкиваются два миропонимания, две системы ценностей» [5, с. 158].

В романе Айдамирова Васал (Василий Лопухов) и Жабраил (бывший поручик Касалапов) – русские солдаты, перешедшие на сторону горцев – смогли воплотить в жизнь то, что не получилось у Оленина. Но в данном случае сближение представителей разных культур произошло благодаря тому, что основным объединяющим фактором стала важнейшая общечеловеческая ценность – право на личную свободу.

О переходе на сторону чеченцев Василий думал тщательно, взвешивая все «за» и «против»: «Как быть? Нелегкое это дело – расстаться с родиной. Допустим, волю он получит, но обретет ли покой? Найдет ли вторую родину?» [1, с. 97].

Уже будучи Васалом, он приобрел братьев, верных друзей, семью, но тоска по родине не гасла никогда, а несчастья не оставляли его и в новой жизни. Но, несмотря на бедность и иные неудачи, он смог полюбить новый дом, был уважаем односельчанами, не уступал храбростью горцам, так же отчаянно вел освободительную борьбу. Касалапов, умирая от полученных в бою ранений, сказал ему: «Я не раскаиваюсь, что позвал тебя с собой в ту ночь. Мы пошли не против нашего народа, Василий, а против тех, кто обесчестил твою мать, твою невесту, кто менял людей на собак» [1, с. 115]. Айдамиров разрушает привычный сюжетный штамп, согласно которому герой-ренегат обязательно погибает. Василий

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

живет среди горцев как свой, а Жабраил погибает не из-за каких-то мучивших его противоречий.

Айдамиров не дает четких портретных характеристик положительных героев, чтобы не концентрировать идейную составляющую своего романа в их образах. Борьба главных героев – борьба всего народа, вынужденного к сопротивлению перед перспективой всеобщего истребления. Они лишь часть огромной силы, сопротивляющейся внешнему злу, а не отдельные личности, которые идут наперекор большинству.

Некоторые герои романа оказались по другую сторону в борьбе народа за свободу и независимость. Купец Хорта, мулла Шахби, аульский старшина Иса, кади Товсолт и другие горцы, помогающие российской власти в порабощении собственного народа, беспокоятся лишь о собственном благополучии и отражают культуру и философию горцев в искаженном виде. Эти герои также не имеют «лица». В народном сознании есть конкретный образ, сконцентрировавший в себе весь его накопленный опыт и философию. Соответствие этому образу воспринимается как норма, а несоответствие – осуждается. Но у Айдамирова нет каких-то элементов внешности (например, большие глаза или маленькие «глазки», широкий рот или тонкие губы), которые он наделил бы конкретными положительными или отрицательными коннотациями. Любой человек может выбрать как сторону «добра», так и сторону «зла». Писатель не привязывает конкретные характеристики к определенным портретным деталям, не лишая человека возможности измениться как в ту, так и в другую сторону.

Примечание. Кади – в мусульманских странах: судья, осуществляющий судопроизводство на основе мусульманского права (шариата) [7].

В романе так же, как и в произведениях Толстого, нашли отражение романтические представления эпохи. Берс вспоминает петербургских товарищей, которые «мечтали о том дне, когда окончат школу и поедут на Юг сражаться с дикими горцами. Им снились героические подвиги, слава, суровая кавказская экзотика. Великодержавный зуд не давал покоя молодым дворянам. Коснулась сия

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

болезнь и Берса» [1, с. 388]. В произведениях обоих писателей искаженные представления о Кавказе как месте исключительном свойственны молодым юношам, не имеющим военного опыта, чье личностное становление происходило далеко от манящего их «воинственного» края. Если у Толстого им противопоставлены опытные солдаты, не первый год находящиеся на Кавказе, то Айдамиров, помимо этого, вводит в роман и образы детей, которые в силу обстоятельств вынуждены наравне со взрослыми вести освободительную борьбу. Так, мальчик Болат при встрече указывает Берсу на ошибки и дает советы о том, как нужно вести себя в лесу, чтобы не погибнуть при внезапном нападении: «Ружье висело под буркой дулом вниз. Свет бы перевернулся, пока ты его вскидываешь. Ружье нужно всегда держать дулом вперед или класть перед собой поперек седла» [1, с. 135]. Ребенок, не знающий иной жизни, безусловно, осведомлен о реалиях войны лучше юношей, недавно поступивших на службу, и не подвержен никаким «фантазиям».

В романе Айдамирова, как и в повести Толстого «Казаки», созданы полноценные женские образы. Например, жена Али Айза, не умеющая скрывать свои чувства, работящая, добрая, заботливая, искренне сострадающая чужому горю. Она является опорой не только мужу и детям, но также и своим родителям, соседям, жителям аула, друзьям за пределами аула. Наделенный индивидуальными чертами, этот образ вырастает в обобщенный образ чеченской женщины.

Важнейшим для понимания сущности Кавказской войны в романе Айдамирова являются звуковые образы, в частности образ тишины (безмолвия). Это может быть и тишина, которой наслаждаются русские солдаты после выдворения горцев с каких-то земель, и непривычная тишина дома или аула, то есть отсутствие привычных звуков мирной жизни (голосов детей, взрослых, животных и т. д.), и «предгрозная тишина», за которой следует новая трагедия; а также тишина, воцаряющаяся в ситуации выбора, решающего судьбу целого народа, то есть тишина мучительных и тяжелых раздумий. Эта тишина непременно сменяется треском ружей или треском иссохшей земли, заунывной народной песней, скрипом или, напротив, привычными звуками аула в мирное время, веселыми

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

звуками дечиг-пондара (национального музыкального инструмента) или «ликующей мелодией единственной и неповторимой песни весны».

Л.Н. Толстой и А. Айдамиров – писатели, воспитанные в разных культурах, жившие и творившие в разные эпохи. Тем не менее, мы можем говорить о том, что в рассматриваемых произведениях на тему Кавказской войны в творчестве обоих писателей очевидны пересечения как в художественном, так и в идейном плане. Особенно писателей сближает гуманистический подход в оценке жизненных явлений и стремление к всечеловеческому диалогу, не обремененному предрассудками или иными преградами.

Список литературы

1. Айдамиров А. Долгие ночи // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1 / Пер. с чеч. А. Айдамирова. – М.: Аграф, 1996. – 592 с.

2. Архиреев М.В. Кавказская война в русской литературе 1820–1830-ых годов: Дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. – Тверь, 2004. – 169 с.

3. Гайтукаев К.Б. Лев Толстой и горцы Кавказа // Л. Н. Толстой и Чечено-Ингушетия. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1989. – С. 68–80.

4. Джамбекова Т.Б. Роль фольклора в эволюции чеченской прозы XX века: Дис. … д-ра филол. наук: 10.01.02; 10.01.09. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2010. – 317 с.

5. Иванов О.Б. Переосмысление романтической традиции в повести Л.Н. Толстого «Казаки» / О.Б. Иванов, Е.С. Пронина // Наследие Л.Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки: Мат-лы XXXIV Междунар. Толстовских чтений / Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2014. – С. 155–160.

6. Косиков Г.К. Об «экзотических» новеллах Мериме // Мериме П. Маттео Фальконе. Таманго. Новеллы. – М.: Детская литература, 1978. – С. 42–47.

7. Кузнецов С.А. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа на 18.05.2017: http://gufo.me/content_kuznec/kadi-122857.html

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

8. Кузьмин А.И. Героическая тема в русской литературе: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1974. – 304 с.

9. Толстой Л.Н. Повести и рассказы. – М.: Художественная литература, 1980. – 720 с.

10. Толстой Л.Н. Рубка леса. – Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1978. – 238 с.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)